

XIV.

1905.

 БРАЗОВАНИЕ.

ЖУРНАЛЪ

*Литературный,
научно-популярный
и педагогическій.*

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.
1905.

Содержаніе № 10.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
анифестъ 17 октября.	
1. Денисовъ. Разсказъ М. Соловьева.	1— 15
2. Война въ произведеніяхъ Толстого, Гаршина и Андреева О. Миртова.	16— 32
3. Попка-дуракъ. Разсказъ В. І. Дмитріевой.	33— 62
4. Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи П. Берлина (продолженіе).	63— 91
5. Проблема нравственности съ позитивной точки зрѣнія. А. Коллонтай (окончаніе).	92—107
6. Исторія молодой жизни. Романъ Отто Эрнста, перев. съ нѣмецк. В. Исполатовой. (про- долженіе)	108—144
7. Къ исторіи русскаго духоборчества В. Ольхов- 9. ского.	145—203
8. Посв. В. * * * Стихотвореніе О. Боголюбовой	204
Бойкотъ и лѣбель В. Тотоміанца.	205—218
10. Это такъ естественно! Разсказъ А. Крандіевской.	219—230
11. О партіяхъ и партійности Л. Клейнборта.	231—246
12. Какимъ путемъ? Разсказъ Анат. Фракса пер. съ франц. Е. Гадаскиной.	247—274
13. Грановскій и студенты (Къ сорокалѣтію со дня смерти) С. Ашевскаго.	275—292
14. Г. Н. Потанинъ. (По поводу 70-лѣтія со дня его рожденія) Т. Ф.	293—300
15. Мать. Отрывки Вл. Беренштама.	301—306

ОТДѢЛЪ II.

16. Союзы рабочихъ и ихъ задачи. С. Прокоповича. 1— 17
17. На боевомъ посту. (Н. Бельтовъ. За двадцать лѣтъ). Л. Клейнборта. 18 — 86
18. *ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ*. Событія, предшествовавшія акту 17 октября. Желѣзнодорожная забастовка. Послѣ 17 октября: ужасы въ Томскѣ, Твери, Воронежѣ, Пензѣ и др. городахъ. Призывъ на помощь голодающимъ. В. Богучарскаго. 37— 52
19. *ИЗЪ ЖИЗНИ и ЛИТЕРАТУРЫ*. Обновленіе стиля С. Протопопова. Критическая замѣтка. (По поводу книги Андреевича) А. Орлова. 53— 67
20. *ИЗЪ ОБЛАСТИ ЗНАНІЙ*. О туберкулезѣ. Д-ра Л. Гранскаго. 68— 84
21. *КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ*. 1. К. Бальмонтъ. Литургія красоты. В. Львова. 2. А. Федоровъ. Земля. Е. Колтоновской. 3. Г. Гауптманъ. Сочиненія. 4. Данте. Божественная комедія. пер. Д. Мина. проф. Л. Шепелевича. 5. Л. Шепелевичъ. Историко-литературные этюды М. А. 6. Н. Минскій. Религія будущаго В. Базарова. 7. А. Корниловъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. 8. Крестьянскій строй. Сборникъ т. I. Л. К. 9. Письма Ф. Лассала къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. 10. Оф. Цвиѣнекъ. Зюденгорстъ. Теорія и практика заработной платы доц. М. Бернацкаго. 11. К. Носиловъ. У вогуловъ Н. Могилянскаго. 12. Библиотека М. Малыхъ. В. Величкиной. Новыя книги поступившія въ редакцію. 85—120

На боевомъ посту.

(Н. Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей литературныхъ, экономическихъ и философско-историческихъ. С.-Петербургъ. 1905 г.).

Н. Бельтовъ, по всей справедливости, занимаетъ первое мѣсто въ рядахъ нашей социальдемократіи. Послѣ двадцати пяти лѣтъ работы, въ истинно высокомъ смыслѣ этого слова, со всеми невзгодами и лишениями, подъ грозой которыхъ эта работа совершалась, съ пятью десятками лѣтъ на плечахъ, онъ все тотъ же Георгій Валентиновъ, который подписывалъ первыя статьи сборника, печатавшіяся въ „Отечественныхъ Запискахъ“, все на томъ же посту, на какомъ его видѣли десятки лѣтъ тому назадъ.

Такова участь всего крупнаго и оригинальнаго...

О размѣрахъ дарованія Н. Бельтова говорить не приходится: они общепризнаны. Но оно и своей индивидуальностью выдается: подъ какими бы псевдонимомъ нашъ авторъ ни писалъ, онъ никогда не остается тайной для своего читателя. Трудно указать нѣсколько разныхъ статей изъ числа вошедшихъ въ лежащій передъ нами сборникъ, которые были въ свое время подписаны однимъ именемъ: „Новое направленіе въ области политической экономіи“ и „Экономическая теорія Карла Редбертуса Ягцова“ были подписаны Г. Валентиновымъ, „Объ искусствѣ“ и „О роли личности въ исторіи“—А. Кирсановымъ, „Судьбы русской критики“—Н. Каменскимъ, статью о Г. И. Успенскомъ и С. Каронинѣ—тѣмъ самымъ, которымъ подписано предисловіе къ русскому переводу „Коммунистическаго Манифеста“ Маркса и Энгельса¹⁾. Кажется, достаточно упорно человекъ „отказывался отъ извѣстности“, тѣмъ не менѣе, укажите читателя—въ

¹⁾ „Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ“ Карла Маркса и Фр. Энгельса. Съ предисловіемъ авторовъ къ нѣмецкому изданію и предисловіемъ къ русскому изданію Г. Плеханова. Изданіе второе, В. М. Алексѣевой. 1905 г.

тѣхъ, которые черпали и черпаютъ до сихъ поръ изъ этихъ статей свѣтлыя идеи, находятъ отзвукъ лучшимъ своимъ чувствамъ—читателя, который бы не зналъ настоящаго имени того, кто ему свѣтитъ, кто его грѣшетъ...

Но прежде всего и больше всего Вельтовъ близокъ читателю тѣмъ то другимъ, за тѣмъ чувствуется что то еще болѣе важное, тѣмъ дарованіе, тѣмъ именно, что даетъ самому автору опору въ его идейныхъ исканіяхъ. Вельтовъ никогда не былъ *легальнымъ* писателемъ. Въ этомъ было его коренное отличіе отъ т. н. легальныхъ марксистовъ.

Нашей читающей публикѣ хорошо извѣстна его книга „Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на исторію“. Какой социалъдемократъ, какой кружокъ самообразования или саморазвитія не начиналъ съ этого историческаго отвѣта „г. Михайловскому, Карѣву и К°“. Всѣ мы, въ сущности, прошли „черезъ Вельтова“. Съ этой книгой въ свое время очень сильно конкурировали въ смыслѣ успѣха „Критическія замѣтки“ г. Струве, появившіяся, какъ извѣстно, по времени даже раньше знаменитаго „Отвѣта“. Оба автора тогда были союзниками по идеѣ, оба имели ставились рядомъ... Но... развѣ успѣхъ „Критическихъ Замѣтокъ“ былъ успѣхомъ Вельтова! То, что еще болѣе важно, тѣмъ дарованіе, но что такъ трудно было бы еще вчера здѣсь указать, отдѣляло одно произведеніе отъ другого уже тогда. Я знавалъ многихъ, которые читали и перечитывали „Критическія замѣтки“, но кѣмъ они перечитывались такъ, какъ перечитывался Вельтовъ?

Мнѣ чтить тебя? За что?
Бывало-ль, чтобы скорбь ты утолялъ
Обремененнаго!

Для этого въ книгѣ г. Струве слишкомъ мало было между строкъ. Для этого г. Струве слишкомъ далекъ былъ отъ того революціоннаго нерва, который проникалъ каждую букву, каждую строчку „Монастическаго взгляда“, который и придавалъ этой нашей тогдашней „Эрфуртской программѣ“ ея обаятельную прелесть. Для этого отъ „Критическихъ замѣтокъ“ слишкомъ вѣяло тѣмъ холодкомъ, на который уже тогда сурово указывалъ нѣнѣшній вождь нашего большинства. Г. Струве былъ лишь „подающимъ надежды“. А Вельтовъ—именно тѣмъ, кто „утолялъ скорбь обремененнаго“, котораго „чтили“, и было что то необыкновенно - трогательное въ томъ долготерпѣніи, съ какимъ какая-нибудь курсистка копилла копейку за копейкой для того, чтобы заплатить за книгу дорогаго учителя 10—15 руб. Вѣдь у молодежи нашей всегда деньги въ обрѣзъ, а книга уже въ 96 г. была распродана безъ надежды на второе изданіе. Она уже отбиралась при обыскахъ, какъ нелегальщина.

Говоря о сборникѣ Вельтова, въ каждой статьѣ котораго—по собственному признанію автора—„отразилось одно и то же мироощущеніе“,

который въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій не только не поступился ни одной изъ типическихъ чертъ этого міросозерцанія, но ещё усугублялъ ихъ,— я вспоминаю ту характеристику, какою г. Струве далъ впоследствии „ортодоксу“. Мысль, лишенная всякаго творчества, всякой „критической струи“, для которой первое и послѣднее слово: *magister dixit*; догма, своей „обязательной стройностью“ производящая „гипнотизирующее дѣйствіе“, „убійственная одинаково и для теорій, и для практик“, стремленіе „остановить движеніе мысли на одной его ступени“— вотъ выраженія, въ которыхъ характеризуетъ „ортодоксію“ г. Струве, тотъ самый, который еще такъ недавно „подавалъ надежды“, такъ не прочь былъ доказывать, какъ г. Михайловскій ошибается, если полагаетъ, что разногласіе между нимъ и г. Вельтовымъ значительно...

Есть ли Вельтовъ „ортодоксъ?“ Еще бы! Его ортодоксія особенно выясняется, если сборникъ „За двадцать лѣтъ“ противопоставить со сборникомъ самого г. Струве.

Трудно представить себѣ большія противоположности. Одинъ, „на глазахъ читателя“, „борется съ самимъ собой“ во имя „драгоценнѣйшаго права живой мыслящей личности“— „права критика“; онъ „анализируетъ“, безъ конца мечется въ какихъ-то поискахъ, которые освободили бы его отъ гнета одолевавшихъ его призраковъ. Другому, наоборотъ, выводы точно дались отъ природы. Онъ ведетъ своего читателя, не теряясь, не подавляясь ими. Онъ чувствуетъ себя спокойнымъ, ибо его компасъ всегда указываетъ ему дорогу. Одинъ, вѣчно взыскующій града и не обрѣтающій его, то прямо и рѣзко защищаетъ себя, то прямо и рѣзко опровергаетъ самого себя. Другой не тратитъ времени на ненужныя колебанія. Свои сомнѣнія онъ, въ общемъ, разрѣшилъ, и остаются только частности, въ правильности которыхъ ему хотѣлось бы убѣдить читателя. Мало знакомы ему наши страхи. Ни отступленій, ни надрывовъ...— Въ статьяхъ Вельтова, на что ни упадешь вѣнзглъ азъ, все цѣлью, изъ одного логическаго камня высѣчено. Конечно, онъ, то и дѣло, прачется между строкъ, точно боясь этой самой цѣльности и законченности, то и дѣло, раздумываетъ, что изъ сего произойдетъ и произойдетъ ли что нибудь. Но это сторона другая: вѣдь надъ работой Вельтова, — „честной и святой“, —самодержавная цензура тяготѣла еще болѣе, чѣмъ надъ вѣмъ-либо. Гдѣ же дѣло идетъ не по формѣ, онъ вездѣ одинъ и тотъ же, всегда вѣренъ себѣ, о чемъ бы ни говорилъ, когда бы ни говорилъ на протяженіи тѣхъ двадцати лѣтъ, за которыя собраны статьи сборника. Онъ знаетъ, и никакія проходящія случайности не въ состояніи поколебать этого знанія, и онъ легко и просто разсѣиваетъ всякое облачко, навещающее хоть какую нибудь тѣнь на это знаніе. Въ знаніи и источникъ бодрости его. Это ли не ортодоксъ? Это ли не „обязательная стройность“, „движеніе мысли на одной ступени“ и пр.?

Но, читатель... Вспомните нашего ортодокса въ рядахъ „Земли и Воля“, затѣмъ „Чернаго Передѣла“... Г. Струве „исканіи“. Допустимъ. Но развѣ революціонеру, вотъ ужъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ стоящему на своемъ посту,— развѣ ему мало пришлось пережить „исканій“? На статьяхъ „За двадцать лѣтъ“, статьяхъ строго социалъдемократическаго направленія, не лежатъ печати „исканій“. Допустимъ. Но это еще не значить, что его міросозерцаніе было *deus ex machina*. Кто знакомъ съ исторіей освободительнаго движенія Россіи, знаетъ хорошо, сколько авторъ пережилъ своимъ пытливымъ духомъ неисправимаго революціонера, прежде чѣмъ та догма, которую г. Струве теперь такъ не жалуется, какъ благодатный дождь послѣ засухи, влилъ всюду, гдѣ было хоть какое ни на есть зерно, свою живительную влагу.

Объ этихъ исканіяхъ ничего не говоритъ лежащая передъ нами книга, но они сами за себя говорятъ не менѣе, чѣмъ та „борьба съ самимъ собой“, какую пережили „на глазахъ читателя“ авторы, ищущіе теперь „противъ ортодоксальной вѣтерности“. Въ то время идеи, даже и правильно понятыя, долго должны были представляться чѣмъ-то вродѣ журавля въ небѣ: когда-то и какъ-то ими овладѣешь... Такое созерцаніе журавля въ небѣ не могло не осложнять тѣ „муки родовъ“, которыя переживала мысль Бельтова, Дейча, Аксельрода, Вѣры Засуличъ и др., прежде чѣмъ они пришли къ тому, что и осталось ихъ символомъ вѣры на всю жизнь...

Не будемъ останавливаться на „мукахъ родовъ“ русской ортодоксіи. Важно лишь напомнить, что не одна эволюція „отъ марксизма къ идеализму“,—и эволюція отъ идеализма къ марксизму шла не „безъ думы родовою“. Тѣ творческія муки, та критическая струя, во имя которыхъ г. Струве „перестраиваетъ свое міросозерцаніе въ 1899 г. на началѣхъ противоположныхъ ортодоксіи, стояли уже у самой колыбели этой ортодоксіи. И кто скажетъ, что на фонѣ этихъ мукъ, этого внутренняго горѣнія, этой борьбы за идеалъ, драма нашего... маленькаго неистоваго Виссаріона, какъ называлъ какъ-то г. Струве сотрудникъ „Русскаго Богатства“, красочнѣе, ярче драмы *ортодокса изъ ортодоксовъ*?

Быть можетъ, противникъ ортодоксіи намъ скажетъ, что онъ не о томъ говоритъ, что онъ самъ уже „не разъ“ указывалъ,—онъ, м. г., самъ шелъ „въ ихъ рядахъ!“—онъ говорить лишь, что ортодоксіи, въ свою очередь, уже забракowana ея собственнымъ опытомъ. Когда „воц“ лица, стоящія „во главѣ“ движенія—и г. Булгаковъ, и г. Туганъ-Варановскій, и „самъ“ г. Струве эволюционируютъ назадъ... Бельтовъ съ партіей все то лько и дѣлаетъ, что повторяетъ свое *magister dixit* такъ, какъ онъ его повторялъ десять лѣтъ, какъ онъ его повторялъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Достойнымъ отвѣтомъ на это является сама книга. Если говорить о широтѣ, о новизнѣ, то вѣдь широки и новы прежде всего не понятія, а жизнь, неудержимо мѣняющая каждый день и каждый часъ свои очертанія. Ваша идея сумѣла уловить то, что составляетъ сущность этихъ измѣненій, она значить и широка, и нова,—хотя бы вы ее высказали самыми старыми, самыми узкими словами. Не сумѣли — она никому ничего не скажетъ, въ какія бы новыя, въ какія бы широкія одежды вы ее ни ридили. Поэтому судить о сборникѣ „За двадцать лѣтъ“, его овѣжести, его жизненности, нужно не съ высоты той или иной „критической струн“, а съ высоты тѣхъ самыхъ двадцати лѣтъ, которымъ онъ и посвященъ. Къ ихъ характеристикѣ мы и обратимся.

Самая ранняя статья, вошедшая въ сборникъ, „Новое направлѣніе въ области политической экономіи“ помѣчена 1885 годомъ. Но это — опечатка ¹⁾. Въ дѣйствительности она была напечатана не въ 85 г., а въ ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1881 годъ. Это былъ тотъ самый годъ, когда были повѣшены Желябовъ и Софья Перовская, когда „диктатура сердца“ была замѣнена гр. Игнатьевымъ, и шпионство стало *единственной* „околоточно-участковой правдой“. Пришелъ Катковъ со своимъ знаменитымъ восклицаніемъ: „господа, встаньте, правительство возвращается“. Оно на самомъ дѣлѣ, съ позволенія сказать, вернулось. „Воскресъ“ щедричскій Толстолобовъ съ своей комиссіей, которой предстояло: „а) опредѣлять степень благонадежности обывателей; б) дѣлать обыски, выемки и облавы, и вообще испытывать, в) удалять вредныхъ и неблагонадежныхъ людей, преимущественно избирая для поселенія мѣста необитаемыя и ближайшія къ Ледовитому океану“ ²⁾, и одинъ за другимъ изъ гробовъ стали воскресать, казалось, давно погребенные мертвецы, чтобы возстановить во всей полнотѣ все то, что было поколеблено годами реформъ, надѣтъ намордникъ на всю культурную жизнь, взаимнѣ дорогихъ тюремъ завести нѣсколько сотенъ палачей и нѣсколько сотъ тысячъ кнутахъ. Конечно, жизнь не исчерпывалась „словомъ и дѣломъ“. Тотъ самый сезонъ, который „привелъ страсти въ нѣкоторое особое состояніе“, въ смыслѣ приведенія ихъ „въ невозможность препятствовать постановкѣ точекъ“, былъ и десятилѣтіемъ крупнаго экономическаго подъема. Русскій капиталъ забиралъ да забиралъ въ свои руки „народное производство“, сѣть желѣзныхъ дорогъ и элеваторовъ становилась плотнѣй и тѣснѣй, развивалось земельное утѣсненіе, населеніе селъ и деревень отливало за тысячи верстъ въ быстро растущую промышленность. Только это развитіе не шло въ разрѣзъ съ необходимостью

¹⁾ Обращаемъ на нее вниманіе издателей.

²⁾ Сочиненія М. Е. Салтыкова, т. VIII, стр. 89.

„знаковъ препинанія“. Наоборотъ,—вспомнимъ рабочее движеніе въ Петербургѣ, въ Орѣховѣ-Зуевѣ и пр.,—и если одной рукой администрація упразднила всякое „самоуправленіе“, всякую „самодѣятельность“, о которыхъ такъ любятъ говорить Колушаевы и Разуваевы всёхъ времяхъ, то съ другой оно оказывало столь щедрое „покровительство“ „отечественной промышленности“ и въ томъ же Петербургѣ, и въ томъ же Орѣховѣ-Зуевѣ, что кромѣ мысли о полтинѣ, никакія другія мысли и въ голову не приходили этимъ Колушаевымъ и Разуваевымъ. Это и былъ тотъ „союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ“, который тогдашнюю „возможность“ — по собственному выраженію народовольца, — обращалъ въ иллюзію ¹⁾...

Такова была обстановка. Таковы же были и надежды, чаянія, лучшіе люди въ этой обстановкѣ, гдѣ, кажется, камни вопиали: „разбейтесь, силы, вы не нужны“.

Трава, которая еще такъ недавно „добывала изъ земли всё нужные соки, и росла, и цвѣла“, была подкошена, и поле усѣялось костями, разрозненными, лишенными плоти и крови. Великая надежда на „великую возможность“ угасла. Ударъ былъ слишкомъ тяжелъ, и лучшіе люди потеряли вѣру въ свои силы. Что здѣсь осталось отраднaго для народовольца семидесятихъ годовъ? Развитие отечественной промышленности прямо объявлялось равносильнымъ „нищетѣ и гибели русскаго народа“. Наоборотъ, единственнымъ средствомъ спасенія казалось прекращеніе этого развитія. Безсильный, негодующій, стоялъ старый революціонеръ-идеалистъ передъ лицомъ жизни и... гдѣ тотъ боевой пылъ, та бодрость, которая всего нѣсколько лѣтъ назадъ наполняли все существо этого героя безъ страха и упрека. Пересмотрите покойнаго Михайловскаго восьмидесятихъ годовъ—вы чувствуете, какимъ внутреннимъ холодомъ ибѣть отъ этихъ критическихъ и публицистическихъ очерковъ, какъ они мало похожи на тѣ прелестныя въ своемъ родѣ, полныя соціального энтузіазма работы, которыя печатались на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“... Все это по-прежнему свидѣтельствуеъ объ огромной энергіи, о горячемъ дарованіи, но... „о поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями!“ Гдѣ тѣ „элементы наличныхъ порядковъ, сильныя либо властью, либо своею многочисленностью“, которые давали „каменный фундаментъ“ всему этому! Они умерли, ибо имъ не стало тѣмъ жить...

Они умерли. Но то, что шло имъ на смѣну, было еще хуже. Все съезжилось, ушло въ себя, блѣдное, растерянное. Великое становилось смѣшнымъ, характерное сѣрымъ; только одинъ кличъ звучалъ увѣренно, настойчиво: „хватай“, и все бѣжало отъ протеста, отъ работы, отъ своихъ внутреннихъ убѣжденій въ уголокъ, въ темный чуланъ, лишь бы только унести

¹⁾ Михайловскій, т. IV, стр. 957.

ноги отъ этого „хватая“; революціонная борьба развѣивалась въ мелочи. Это была полоса, когда революціонное движеніе, казалось, вовсе остановилось.

Съ одной стороны абрамовщина, это народолюбіе, смѣнявшее народничество, эти „рожденные ползать“, которые всякій вопросъ умудрились развѣивать на вопросы, всякое дѣло на дѣльца, и все это вмѣстѣ пересыпая той специфической пылью, что называлась тогда „собираніемъ отрадныхъ явленій“, съ другой непротавленіе азу, культурные оскиты. Новые мозговья линіи, новые душевныя складки, субсидіи, гарантіи—„не смущайте насъ, тѣни прошлаго, и вы, отцы, поймите своихъ дѣтей: восьмидесятникъ идетъ“¹⁾. Идетъ и прислушивается къ шуму въ своихъ собственныхъ ушахъ... Могла ли идти рѣчь о научной объективной работѣ? Менѣе всего благоприятствовала социальная обстановка того времени объективной научной работѣ. „Попытки теоретическаго обоснованія народничества“ такъ и остались одними попытками, отъ которыхъ никому не было ни тепло, ни холодно. Въ то время, какъ экономическая структура общества выяснялась все рѣзче и рѣзче, а присущія этой структурѣ общественныя противорѣчія все болѣе очищались отъ всякаго рода унаследованныхъ примѣсей, народники только охали и ахали, вмѣсто того, чтобы сколько-нибудь серьезно взглянуть на то „колесо исторіи“, которое они собирались повернуть, или... „портялись“, „опускались“, отвыкали отъ „критической мысли“, и пустота образовывалась если не въ помешаніяхъ, то въ самихъ адептахъ. Такъ обстояло съ лѣвымъ крыломъ. Что ужъ говорить о правомъ... Правое, въ лицѣ Толстого, этого яркаго образчика того, какъ большое становилось малымъ въ этой атмосферѣ, великое—смѣннымъ, просто... отрицало науку... Могла ли быть рѣчь о какомъ-нибудь вождѣ для широкихъ общественныхъ массъ? Удручали сѣрые тоны, но еще больше удручало „безмолвіе“. „Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ нечати погнбела“...

Да, читатель, героемъ мысли, истинно творческимъ умомъ надо было быть, чтобы въ этомъ хаосѣ, въ этой темнотѣ и растерянности проложить, правда, не дорогу, а хоть тропинку, чуть не въ первые годы десятилѣтія, чтобы въ этой пустынѣ, въ которой такъ страшно было „строиться“, въ перспективѣ которой, казалось, уже ничего не осталось, ни журавля въ небѣ, ни синицы въ рукѣ, ничего, кромѣ тоскливаго сознанія отсутствія какой бы то ни было точки приложенія силъ—чтобы въ этой пустынѣ, двадцать лѣтъ тому назадъ, поднять социалдемократическое знамя, то самое, которое развернулось, какъ слѣдуетъ, лишь послѣ голода 91—92 гг. А такими именно явились для того времени Вельтовъ, Дейтъ, Авсальродъ, Вѣра Засуличъ, маленькая кучка, объединившаяся въ 83 году... „группа освобожденія труда“.

¹⁾ Изъ письма читателя къ Шелгунову „Очерки русской жизни“.

Къ тому времени относятся не только упомянутая статья сборника, напечатанная въ 81 году. Въ 83 году, на страницахъ тѣхъ же „Отечественныхъ Записокъ“, была помѣщена „Экономическая теорія Карла Родбертуса Ягцова“. Статья объ Успенскомъ была напечатана въ 1888 году, о Карониѣ—въ 89 году.

Между этими статьями, начисанными въ разные моменты, чувствуется извѣстная грань. Первые двѣ статьи носятъ еще абстрактный характеръ.

Раскройте ихъ, въ самомъ дѣлѣ. Одна представляетъ собой критическій очеркъ катедеръ-соціализма, того самаго, который, говоря словами Маркса, „хочетъ буржуазіи безъ пролетаріата“, который, стремясь „смягчить“ антагонизмъ труда и капитала, „въ то же время старается сохранить во всей ея цѣлости капиталистическую систему производства“. Другая статья, какъ видно изъ самого заглавія, посвящена Родбертусу, который, хотя и являлся въ свое время настоящей находкой для катедеръ-соціалистовъ, „противоядіемъ, весьма полезнымъ для рабочихъ, не зараженныхъ лжеучеціями“, хотя и былъ и до конца жизни оставался землевладѣльцемъ не только по положенію, но отчасти и по склонностямъ, но въ то же время былъ и „черной экономической душой“. Обѣ статьи тѣсно связаны между собой: сравнивая катедеръ-соціалистовъ съ одной стороны и Родбертуса съ другой, Вельтовъ показываетъ, кто внесъ нѣчто дѣйствительно-серьезное и кто ограничивается „пережевываніемъ-перекраиваніемъ и даже порчей оставшагося отъ экономистовъ-классиковъ наслѣдства“. Авторъ не исчерпываетъ свою задачу критикой. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является во всеоружіи положительнаго міросозерцанія. Передъ нами—совершенно послѣдовательный соціалдемократъ. Ясность мысли, сила доводовъ, чисто европейская эрудиція,—благодаря всему этому онъ не только безъ труда защищаетъ основные принципы марксистской экономіи, но постигнѣ пріобщаетъ русскую экономическую науку къ обще-европейской. И народники (и правые, и лѣвые) охотно читали Маркса. Но эти люди, какъ вѣрно замѣчаетъ самъ Вельтовъ, въ своемъ увлеченіи Марксомъ напоминали тѣхъ китайцевъ, о которыхъ Тэйлоръ говоритъ въ своей Антропологіи. Китайцы, покупая англійскія суда, но не умѣя обращаться съ ними, передѣлывали ихъ въ свои безобразныя джонки. Такъ и марксистобразные передѣлывали Маркса на народнической ладъ, въ результатъ чего получалась нерѣдко „постигнѣ реакціонная утопія“. Советѣмъ не то въ подлежащихъ нашему вниманію статьяхъ. Мы находимъ здѣсь въ полной чистотѣ и непосредственности всѣ тѣ начала, которыя легли впоследствии въ основаніе программы російской соціалдемократической рабочей партіи. Посмотрите, напр., какое онъ даетъ объясненіе катедеръ-соціализму, какъ результату обращенія научныхъ положеній классической буржуазной экономіи въ обвинительные пункты противъ буржуазнаго способа производства (оставалось одно изъ двухъ: или вы-

бирать науку и отказаться от буржуазии или, наоборот, разрушать здание классической экономии, чтобы под ее развалинами раздавить врагов буржуазной идеологии¹⁾, посмотрите, как он рассуждает о тех людях, которые стараются „увѣрить себя и другихъ, что они стоятъ выше всякихъ классовыхъ интересовъ и предразсудковъ и стремятся лишь къ изученію законовъ общественнаго развитія“²⁾, о самой литературной судьбѣ Родбертуса... Какъ послѣдователь Маркса, Вельтовъ уже въ этихъ статьяхъ обнаруживаетъ изумительное знаніе предмета: онъ такъ ставитъ свои вопросы, такъ ихъ рѣшаетъ, что они имѣютъ не только научное, но и партійное значеніе.

Но крупный памятникъ въ литературѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ воздвигъ себѣ еще не этими статьями. Въ 1888 году Вельтовъ писалъ: „измѣнятся русскія общественныя отношенія (а они уже измѣняются), явятся на русскую историческую сцену новые, болѣе передовые слои или классы (и такое время уже недалеко), и тогда народническая беллетристика, какъ и вся вообще народническая литература, отойдетъ на задній планъ, уступить мѣсто новымъ направленіямъ“³⁾. Если эти слова справедливы по отношенію къ 88 г., то тѣмъ болѣе они справедливы по отношенію къ тѣмъ годамъ, когда писались статьи о катедеръ-соціалистахъ и Родбертусѣ: какъ ни выдержано, какъ ни развито проводящееся въ нихъ ученіе, чувствуется, что оно еще вродѣ журавля въ небѣ! Когда еще его поймашь!.. Чувствуется еще то пареніе, та удаленность отъ жизни, которая характерна, наприм., для статей Н. И. Зиберы. Только особенно чуткій читатель того времени могъ вычитывать изъ нихъ какіе-нибудь уроки для Россіи...

Въ иную атмосферу мы попадаемъ, переходя отъ этого „созерцанія журавля въ небѣ“ къ статьямъ объ Успенскомъ и Каронинахъ. Насъ сразу обдаетъ тѣмъ тепломъ, тѣмъ живленнымъ пульсомъ, который бьетъ напр. въ „Нашихъ разногласіяхъ“. Мы переходимъ отъ Западной Европы, которая въ то время такъ мало интересовала русскаго интеллигента, гдѣ, единственно, и родилась, по условіямъ времени, русская ортодоксія, къ нашему отечеству, съ его самодержавной атмосферой, съ многомиліоннымъ трудящимся населеніемъ, мятущимся въ этой атмосферѣ, отъ теоріи къ практикѣ, отъ метода къ программѣ. Чтобы дать читателю понятіе о той работѣ, оригинальной, пытливой, съ особымъ разграниченіемъ внутренняго содержанія, которая была совершена въ свое время, изложимъ въ двухъ словахъ эту практику, эту программу, хотя бы по этимъ статьямъ. Показавъ на Глѣбѣ Успенскомъ, что народничество, какъ литературное теченіе, ставящее своей задачей изображеніе народной

1) „За двадцать лѣтъ“, стр. 389.

2) Ibid., стр. 620 и дальше.

3) Ibid. стр. 75.

жизни, какъ она есть, совсѣмъ не то, что народничество, какъ общественное ученіе, пытающееся повернуть „колесо исторіи“ назадъ, что первое не только отлочно отъ послѣдняго, но, сплошь и рядомъ, противорѣчить ему, авторъ подписываетъ смертный приговоръ всѣмъ „программамъ“, связаннымъ съ Иваномъ Ермолаевичемъ и „стройностью“ его земледѣльческаго существованія. Онъ указываетъ, что въ нашей русской дѣйствительности существуютъ не только интеллигенты, стремящіеся съѣсть на землю, поближе къ Ивану Ермолаевичу, но и жандармерія, которая относится къ этому стремленію „весьма неодобрительно“. Да и не только жандармы,—жандармовъ и обойти можно,—самъ Иванъ Ермолаевичъ не одобряетъ „политики“: его „стройное“ и уравновѣшенное міросозерцаніе исключаетъ всѣ движенія, не направленные непосредственно на „соху, борону, овцы, куры, утки, коровы“ и пр. Онъ еще предавъ самодержавію: „нельзя безъ большака, это хоть и нашего брата взять“; „какъ случайности природы сосредоточиваются для крестьянина въ Богѣ, такъ случайности политики сосредоточиваются для него въ царѣ: царь пошелъ воевать, царь далъ волю, царь даетъ землю, царь раздастъ хлѣбъ, что царь скажетъ, то и будетъ“. А дальше... „не суйся!“ Хорошо еще, если Иванъ Ермолаевичъ будетъ зѣвать, слушая народовольца. Но этимъ „онъ можетъ ограничиться единственно по своей простотѣ; ежели же онъ человѣкъ не съ слишкомъ мягкимъ сердцемъ, то отвѣтъ его колебателью той или другой изъ основъ долженъ непремѣнно выразиться въ предоставленіи этого самаго колебателя „къ начальству“¹⁾.

Вотъ причина того унылаго настроенія, которое характеризовало лучшихъ работниковъ тогдашнихъ, по мнѣнію ихъ современника-соціалдемократа: идеализируемый ими „народъ“ остается глухъ къ ихъ призывамъ. Продолжая держаться народнической точки зрѣнія, сочинять свои домогательскія теоріи, они оказываются въ ложномъ и противорѣчивомъ положеніи, не чувствуя никакой почвы подъ ногами.

Нѣтъ, не здѣсь лежитъ центръ плодотворной общественной дѣятельности. Всѣ эти Абрамовы, Волюнскіе, толстовцы только потому всплываютъ на поверхность, что уподобляются тѣмъ „утопистамъ, которые, по замѣчанію Маркса, видѣли въ алѣ только зло и не замѣчали его разрушительной стороны, которая низвергнетъ старые порядки“. Такимъ зломъ и является нашесвіе капитализма, ведущее къ обрачованію не только буржуазіи, но и пролетаріата. Прослѣживая на произведеніяхъ Каролина разложеніе быта Ивана Ермолаевича, Бельтовъ указываетъ, какъ сложенъ этотъ процессъ, какіе различные типы и характеры онъ создаетъ: отъ однихъ, почти во всемъ еще похожихъ на Ивана Ермолаевича, но уже усвоившихъ пролетарскія черты, до другихъ, у которыхъ черты сходства

1) Ibid. стр. 51.

уравновѣшиваются чертами различія — до тѣхъ поръ, пока не выработаются подъ вліяніемъ новой среды характеры, совершенно не похожіе на Ивана Ермолаевича, прямо противоположныя. Дѣло въ томъ, что какъ ни плохо положеніе русскаго пролетарія, оно гораздо болѣе благопріятно для революціоннаго движенія, чѣмъ деревня. Пролетарій не станетъ зѣвать при разговорѣ объ общественной жизни, не скажетъ: „тамъ разберутъ“. Хотите, чтобы васъ поняли, чтобы вы не оказывались въ ложномъ положеніи? Это зависитъ отъ васъ самихъ. Идите въ пролетарскую рабочую среду и помогите ей разобраться въ вопросахъ, поставленныхъ передъ нею самой жизнью“¹⁾). Въ этой средѣ растетъ то зерно, которое называется освобожденіемъ пролетаріата отъ ига опричинны и капитала.—Много ли у васъ рабочихъ, скажетъ народоволецъ.

— „Много, господа, гораздо больше, чѣмъ вы думаете! Въ этомъ случаѣ можно безъ всякаго преувеличенія сказать словами Евангелія: „жатва велика, а жнецовъ мало“. Спросъ гораздо больше предложенія, стремящихся къ свѣту рабочихъ гораздо больше, чѣмъ образованныхъ разночинцевъ, могущихъ нести имъ свѣтъ!“²⁾).

Мы, къ сожалѣнію, не приводимъ и естой доли того содержанія, которымъ все это обосновывается въ статьяхъ.

По сравненію съ этимъ содержаніемъ,—не говоря о другихъ работахъ автора, относящихся къ этому періоду, но не вошедшихъ въ сборникъ,—„Критическія замѣтки“ г. Струве, признающіяся первой ласточкой легальнаго марксизма, ничего новаго не даютъ уже, если не считать той „философіи“, которую онъ, попутно съ марксизмомъ, излагаетъ. Въ настоящее время эта программа перешла уже изъ тѣсныхъ рамокъ кружковъ въ широкія массы народныя; но сколько нужно было ума и таланта для ея обоснованія въ восьмидесятыхъ годахъ, для того, чтобы пересмотрѣть все развитіе Россіи, установить его законы, дать объясненіе этимъ законамъ. Вѣдь то, что сейчасъ является аксіомой въ силу факта, просто въ силу того, что массы людей самой жизнью, самымъ ходомъ общественной жизни доведены до извѣстныхъ понятій и стремленій, тогда, пятнадцать — двадцать лѣтъ назадъ, ни для кого не могло быть аксіомой; и если конечная цѣль каждой теоріи *предвидѣть и предсказывать* будущее, конечно, не отдѣльныхъ личностей, — это дѣло пророчателей! — а болѣе или менѣе обширныхъ эпохъ, гдѣ дѣйствуютъ тысячи и миллионы людей, раздѣленные на социальныя группы, то мы можемъ, не рискуя ошибкой, сказать: самое первое и самое важное, съ чѣмъ пришелъ Бельтовъ, чѣмъ руководился онъ даже тогда, когда онъ былъ такъ идейно одинокъ, былъ не голосъ *magistr'a*, а голосъ... самой жизни. Въ этомъ отношеніи онъ выгодно отдѣляется отъ другого марксиста того времени—Н. И. Зибера.

¹⁾ Ibid. стр. 115.

²⁾ Ibid. стр. 75.

Какъ теоретикъ, Зиберъ явился ту насть „правовѣрнымъ“ послѣдователемъ системы Маркса еще раньше Вельтова. Его работы въ этомъ направленіи, вызвавшія, какъ извѣстно, одобреніе самого Маркса, далеко еще не использованы надлежащимъ образомъ ни русской экономической литературой, ни европейской, для которой они прошли безслѣдно. Но какъ ни значительно наследіе, имъ оставленное, его марксизмъ былъ *менѣе всего русскимъ*, и если въ настоящее время идетъ лишь работа расширенія и укрѣпленія тѣхъ началъ, которыя были намѣчены въ восьмидесятихъ годахъ, то лишь тѣхъ началъ, которыя были намѣчены Вельтовымъ. Въ этой плоскости *ему никто не предшествовалъ*...

Уже въ этихъ статьяхъ много мѣста авторъ отводитъ полемикѣ. Иначе и быть не могло. Въ девяностые же годы этотъ полемическій элементъ, приобретающій исключительное значеніе. Эта страстность, съ которой подверглись критикѣ самыя завѣтныя воззрѣнія, самыя установившіяся вѣрованія, эта „непочтительность“, съ которой говорилось о самыхъ, казалось бы, „почтенныхъ“ авторитетахъ, ставились на видъ прежде всего Вельтову,—и даже теперь, когда страсти улеглись, ни одинъ эпигоны нѣкогда великаго народовольчества не въ состояніи выслушать его имя безъ того, чтобы не помахать картоннымъ мечемъ. Чтобы понять всю цѣну этого негодованія, надо войти въ нѣкоторыя подробности, надо опять-таки остановиться на положеніи вещей.

Мы говорили уже: восьмидесятые годы были годами высокаго экономического развитія. Въ то время, какъ „капиталъ“ объявлялся мертворожденнымъ младенцемъ, а „народное производство“ будущей „высшей формой“, эта высшая форма, наконецъ, треснула по всѣмъ швамъ,—и цѣлый вихрь новыхъ понятій и чувствованій пронесся по Россіи. Если часть русской интеллигенціи все еще не замѣчала этихъ измѣненій, то другая часть уже начала задумываться. Еще Шелгуновъ замѣтилъ въ своихъ „очеркахъ“ народненіе въ Петербургѣ „молодежи будущаго“, у которой оказывается одна черта, одна умственная особенность, которой нѣтъ совсѣмъ у „восьмидесятниковъ“. „Восьмидесятники думали изъ себя. Они мало учились, мало читали и, растерявшись въ заключеніяхъ и выводахъ, остановились на идеѣ общественнаго индифферентизма. Теперешняя молодежь начинаетъ... съ изученія тѣхъ общественныхъ фактовъ, изъ которыхъ, какъ логическій выводъ, должно послѣдовать само собой—что дѣлать“¹⁾. Эта молодежь, какъ извѣстно, предшествовавшая появленію интеллигенціи социалъдемократической, марксистской, и явилась въ свое время тѣми кадрами, изъ которыхъ прежде всего начала вербоваться аудиторія Вельтова и его друзей. Останавливаясь въ недоумѣніи передъ нескладностью своихъ „программъ“, передъ совершенной невозможностью приноровить эти „про-

1) Шелгуновъ „Очерки русской жизни“, стр. 93—94.

граммы“ къ дѣйствительному содержанию жизни, молодежь неизбежно наткалась на тѣ вопросы, на тѣ отвѣты, которые могутъ получить смыслъ лишь съ известной точки зрѣнія. Первое время „молодежь будущаго“ обращала на себя мало общественнаго вниманія, что долго не могло продолжаться такъ. Новое ученіе начало носиться въ воздухѣ, бодрое, увѣренно смотрящее впередъ. Жизнь требовала новаго міровоззрѣнія, и борьба за него, еще за долго до выхода первыхъ легальныхъ марксистскихъ книгъ, уже разгорается во всю, и прежде всего въ нелегальной литературѣ. Соціалдемократія, въ лицѣ Вельтова, Аксельрода, Вѣры Заулицъ, готовится выступить съ своимъ журналомъ „Соціалдемократъ“...

Такъ Вельтовъ и его друзья были встрѣчены молодымъ поколѣніемъ. Ихъ слово стало проникать въ самыя разнообразныя скважины отечественной мысли, одно время, казалось, остановившейся въ своемъ движеніи. Но не такъ были встрѣчены они Михайловскимъ, Южакowymъ, В. В. и прочими столпами хотя и отжившей, но все еще пользовавшейся известнымъ кредитомъ идеологіи. Не замѣчая, что новые взгляды имѣютъ глубокіе корни въ самой жизни, что они являются прямымъ результатомъ экономической эволюціи страны, сдѣлавшей столь крупныя шаги впередъ въ восьмидесятыя годы, они увидѣли въ соціалдемократіи лишь нѣчто уродливое, болѣзненное, лишь одну изъ тѣхъ недѣльныхъ претензій на произнесеніе новыхъ словъ, какими такъ щедры были всѣ моменты общественного малодушія и растерянности, въ самихъ же соціалдемократахъ лишь „личностей“ съ опустѣвшей душой, для которыхъ все равно, чѣмъ заполнить эту пустоту—декадентствомъ, „мозговыми линіями“ или „гѣмецкой литературой“. Вѣдь и то, и другое, и третье одинаково „явносно“ и случайно... Благодаря той специфической точкѣ зрѣнія, подъ угломъ которой „столпы“ воспринимали все, они, какъ прежде передѣлывали Маркса на свой ладъ, такъ теперь стали и соціалдемократовъ подносить своимъ читателямъ въ переработанномъ видѣ. Люди говорятъ объ „обязательности“ „законовъ капиталистическаго производства“ для вѣсѣхъ странъ, значить для нихъ „600 мучительнѣйшихъ смертей суціе пустяки“. Они „приговариваютъ“ Россію къ „вывариванью въ фабричномъ котлѣ“, значить, они друзья капитала, значить, они говорятъ о насажденіи кабачковъ... Сейчасъ, когда въ революціонной борьбѣ побѣда русской соціалдемократической мысли является совершившимся фактомъ, когда эта полемика перешла въ совершенно новую полосу интересовъ, эти обвиненія кажутся... просто клеветой на „почтенныя“ имена. Но посмотрите, какъ характеризовалось тогда значеніе нашего вождя на страницахъ распространенныхъ изданій: „лжетъ, кувиркается, пляшетъ въ присядку, экскурсируетъ въ Гегелеву философію и всѣми этими приѣмами—однимъ отводитъ глаза отъ существа дѣла, а другимъ внушаетъ медовѣріе“. Для того, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, что

внесъ впервые атмосферу самыхъ этихъ словечекъ: „лжетъ, пляшетъ въ присядку“ и пр., сравните, въ самомъ дѣлѣ, первыя писанія того же Бельтова съ первыми репликами на нихъ Михайловскаго...

При такихъ условіяхъ, естественно, полемика должна была явиться альфой и омегой выстуления социалдемократіи новаго направленія. Только полемика могла дать пересмотръ міросозерцанія шестидесятихъ-семидесятихъ годовъ съ новой точки зрѣнія. Только она могла *расчистить* поле дѣйствія для марксизма. Только путемъ отпора отжившему авторитету, можно было тогда влить новое вино въ старые мѣха, дать отвѣтъ на мучительный вопросъ, что дѣлать. Конечно, быть наготовѣ въ качествѣ бодрствующаго полемиста и въ то же время строить собственный фундаментъ дѣло очень не легкое, но—тѣмъ не менѣе, это былъ моментъ, прежде всего полемическій. Прежде всего предостояло сломать отжившій авторитетъ, и эта задача отодвигала на заданій планъ всѣ другія.

Такимъ именно мы и видимъ Н. Бельтова въ той части сборника, которая относится къ первой половинѣ девяностыхъ годовъ. Такова статья о Наумовѣ, которая представляетъ какъ бы резюме двухъ другихъ статей о беллетристахъ-народникахъ, написанныхъ въ восьмидесятихъ годахъ, „Къ вопросу о роли личности въ исторіи“, „Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма“,—открытое письмо въ „Русскую Мысль“,—также „судьбы русской критики“, къ сожалѣнію, прерывающіяся на эстетической теоріи Чернышевскаго. Это—статьи, выработавшіяся въ борьбѣ съ противниками, острая, блестящая отрицаніемъ. Сколько огня, сколько сарказма! Роль, сыгранную этими статьями рядомъ съ книгой Н. Бельтова „О развитіи монистическаго взгляда“, какъ мы видели, даже наши освобожденцы не склонны преуменьшать. Но одно дѣло то, что было тогдашней „заслугой“ Бельтова съ точки зрѣнія освобожденца, другое дѣло—эта заслуга въ ея истинномъ свѣтѣ. Это различіе не всегда отмѣчается.

Согласитесь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сломить авторитетъ противника, когда къ каждому вашему выраженію, къ каждой вашей мысли напряженно прислушивается этотъ „авторитетъ“, готовый каждую минуту нанести ударъ, осмѣять, передернуть это выраженіе, эту мысль,—ничего такъ не важно, какъ ясное, твердое, мы сказали бы партійное, формулированіе своихъ лозунговъ. Чѣмъ эти лозунги послѣдовательнѣе съ самаго начала, чѣмъ менѣе они доступны для сосанія собственными пальцами, тѣмъ меньше окажется блужданій по окольнымъ дорогамъ, тѣмъ меньше недоразумѣній не только по отношенію къ лагерю противниковъ, но и по отношенію къ своему собственному лагерю. Вспомните, какъ боялся въ свое время Энгельсъ социалдемократической нестроты, и какъ эта боязнь оправдалась... Вотъ заслуга Бельтова первой половины девяностыхъ годовъ и, въ частности, тѣхъ статей этого періода, которыя вошли въ сборникъ „За двадцать лѣтъ“, въ томъ и состоятъ, что никто другой такъ твердо,

такъ ярко не держалъ знамя русской социалдемократіи, какъ онъ. По настоящему, онъ и его друзья одни держали знамя. Лишь близость къ знаменосцамъ сообщала нѣгѣшнимъ ех-марксистамъ, а тогдашнимъ главарямъ „Новаго Слова“, ту партійную неуязвимость, какими они тогда обладали. Весь пылъ, все воодушевленіе было въ Вельтовѣ и его друзьяхъ.

Посмотрите, какъ „ортодоксально“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ глубоко, какъ тонко анализируетъ авторъ эволюцію взглядовъ Бѣлинскаго, о которой такъ много написано критиками à la Скабичевскій. Буквально одинъ штрихъ, и все то, что подъ перомъ этихъ критиковъ кажется столь ненужнымъ, безцвѣтнымъ, превращается высокой степени интереса и поучительности. Эта статья, на нашъ взглядъ, является самой выдающейся изъ всего того, что у насъ было написано послѣднее время въ области критики. Посмотрите, какъ авторъ разсуждаетъ объ эстетикѣ, у которой нѣтъ пристрастія ни къ тѣмъ, ни къ другимъ школамъ въ искусствѣ, которая не превозглашаетъ вѣчныхъ законовъ искусства, а лишь изучаетъ тѣ вѣчные законы, дѣйствіемъ конхъ обуславливается его историческое развитіе, которая „объективна, какъ физика, и именно потому чужда всякой метафизики“. То же—въ области философіи. На тѣхъ самыхъ страницахъ „Новаго Слова“, гдѣ печатались труды гг. Струве и Булгакова, Вельтовъ не пропускаетъ случая, чтобы не заключить „критическую философію“ въ пронычскія ковычки, не отозваться въ „непочтительномъ“ тонѣ... Ничего неяснаго, недоговореннаго, двусмысленнаго... Взять хотя бы тогдашнюю злобу дня — вопросъ о свободѣ и необходимости. О немъ не разъ писали и г. Струве, и г. Булгаковъ того времени; они вели довольно рѣзкую полемику по этому вопросу. Не знаю, кто изъ нихъ въ концѣ-концовъ оказался ближе къ „истинѣ“. Хотя, по мнѣнію г. Струве, ихъ „разногласія оказались либо мнимыми, либо несущественными, согласіе—очень реальнымъ и весьма существеннымъ“, тѣмъ не менѣе, злые языки въ то время не мало приписывали фіаско г. Струве. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что ни формулировка г. Струве, ни формулировка г. Булгакова не отличались ясностью, выдержанностью въ смыслѣ марксистскаго пониманія явленій. Раскройте „Судьбы русской критики“, „Къ вопросу о роли личности въ исторіи“,—вотъ истинно социалдемократическая, истинно діалектическая постановка вопроса о свободѣ и необходимости, сдѣланная, правда, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, но въ тѣхъ самыхъ органахъ, гдѣ происходила и полемика гг. Струве и Булгакова...

Заслуга Вельтова, какъ центральной фигуры, какъ социалдемократическаго маяка, указывавшаго дорогу, не дававшего свернуть съ нея ни на іоту, зорко присматривавшагося не только къ лагерю враговъ, но и къ собственному лагерю, была не только въ области эстетики, философіи, теоріи вообще. Она особенно велика въ области практики. Она состояла въ томъ, что, о чемъ бы авторъ ни начиналъ говорить—объ эстетикѣ ли, о философіи, о

чемъ ли другомъ — онъ кончалъ своимъ неизмѣннымъ *Carthago igitur delenda est*. Ни для кого не тайна, что и г. Струве, и г. Булгаковъ, и г. Туганъ-Барановскій въ разгаръ своего увлеченія марксизмомъ къ самому дѣлу марксизма имѣли не большее отношеніе, чѣмъ теперь, каждый съ своей высоты. Мы этимъ не думаемъ умалять значенія ихъ для тогдашняго марксизма; но нельзя не отрицать, что они, подобно Н. И. Заберу, были „марксистами“ совершенно въ иной плоскости, чѣмъ Н. Бельтовъ и его друзья. Составляя правое крыло, они были извѣстны въ средѣ, являющейся практической носителемъ завѣтовъ Маркса, подъ именемъ „легальныхъ марксистовъ“. Они были незамѣнимы, поскольку нужно было разбить народническую социологію, народническую экономію, доказать неминувость наступленія торжества капитализма, его прогрессивность по сравненію со стадіей „народнаго производства“; но стоило имъ перейти отъ своей теоріи къ рабочей программѣ, къ злобѣ дня тогдашняго революціоннаго движенія, чтобы читатель сразу почувствовалъ, какъ нѣ сущности имъ чуждо все это. Совсѣмъ иное Н. Бельтовъ. О чемъ бы онъ ни заводилъ рѣчь, онъ не можетъ забыть объ этой злобѣ дня съ ея программами, о томъ, что всѣ эти большія задачи, за то или иное рѣшеніе которыхъ онъ борется, суть прежде всего задачи революціоннаго русскаго пролетаріата, на сердцѣ котораго они лежатъ не такъ, какъ на сердцѣ того или иного интеллигента, а подлиннымъ образомъ бременя и волнующаго, подлиннымъ образомъ задѣвая его за живое... Этотъ революціонный пылъ, этотъ „ортодоксальный“ практицизмъ неотразимо влекли къ себѣ писателя, и этимъ опредѣлялся весь характеръ его работы: всю страсть, всю остроту мысли онъ вкладывалъ въ то, чтобы каждое построеніе — какъ ни научно, какъ ни объективно оно обосновано у него всегда — неизмѣнно било въ слѣдующую точку: „сколько бы мы, интеллигенція, ни рассуждали о возможности разумнаго вліянія людей на ходъ развитія экономическихъ отношеній, это вліяніе не будетъ имѣть мѣста въ интересахъ Мишутки (сына Ивана Ермолаевича, уже оторвавшагося отъ „власти земли“. Л. К.), пока онъ самъ не задастся цѣлью повліять на указанная отношенія. Въ послѣднемъ счетѣ освобожденіе Мишутки отъ власти слѣпой силы экономической необходимости можетъ быть лишь дѣломъ самого Мишутки. И потому нѣтъ работы плодотворнѣе работы тѣхъ людей, которые возьмутся объяснять это Мишуткѣ“.

Здѣсь-то и вся разница между Бельтовымъ и революціонной социальдемократіей, съ одной стороны, и правымъ крыломъ тогдашняго марксизма — съ другой. Та характеристика, которую г. Струве даетъ теперь „ортодоксамъ“, очень хорошо отвѣчаетъ тому типу, какимъ г. Струве былъ самъ въ періодъ своего увлеченія марксизмомъ. Это было что-то въ высокой степени неопредѣленное, именно *magister dixit*. *Magister dixit* не въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляютъ по отношенію къ социальдемо-

вратамъ, а въ томъ... что неизвестно было, гдѣ же нити, соединяющія теоріи г. Струве и ему подобныхъ съ тѣми корнями, которые эти теоріи питаютъ. Если сегодня говорится именемъ социалдемократіи, то неизвестно еще, чѣмъ именемъ будетъ говорить завтра, гдѣ санкція того, что эти метаморфозы невозможны. Марксизмъ г. Струве просто висѣлъ въ воздухѣ... Совсѣмъ иное марксизмъ Бельтова и его друзей, непосредственно связанный съ революціонной практикой того времени. Они вѣдь были отцами не только теоріи, но и практики марксизма. Ихъ взгляды не висѣли въ воздухѣ, не могли висѣть; они не могли говорить *magister dixit*: если у нихъ былъ „магистръ“, то этимъ магистромъ была та самая революціонная практика, безъ которой и всякая мысль, какъ всякая вѣра, мертва есть. Только міросозерцаніе, непосредственно питаемое тѣми или иными жизненными соками, непосредственно регулируемое ими, можетъ претендовать на дѣйствительно творческую роль, на дѣйствительную „критическую струю“. Таковъ именно Бельтовъ, какъ авторъ статей „О судьбахъ русской критики“, „О роли личности въ исторіи“ и проч.

Статьями антинародническими сборникъ „За двадцать лѣтъ“ и обрывается. Статьи слѣдующаго періода—„критика критиковъ“—какъ общается владѣтельство,—войдутъ въ слѣдующій выпускъ. Имѣя въ виду этотъ выпускъ, которому, конечно, будетъ посвящена у насъ особая статья, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ упорствѣ, „убійственномъ одинаково и для теоріи, и для практики“, которое проявилъ Бельтовъ „теперь, когда, всѣ „главари“ пошли спать... отъ социалдемократовъ въ лоно „Союза освобожденія“ и пр. Дѣло гораздо проще, чѣмъ думаютъ „главари“. Идя въ продолженіе полемическаго періода рядомъ съ социалдемократами, работая вмѣстѣ съ ними надъ критикой народничества, „главари“ въ положительную минуту оставили это теченіе: въ нихъ заговорило существо совершенно иного, „конституціонно-демократическаго“ склада. Когда они стояли еще передъ немногочисленными рядами революціоннаго пролетаріата, когда рѣчь шла еще не столько о созиданіи, сколько о ломкѣ, это существо дремало. Но оно „возстало“, какъ только дѣло дошло до положительной программы. Передъ настоящей социалдемократической рабочей партіей они почувствовали себя чужими.

Предоставимъ слово самому г. Струве. „Главной задачей „Критическихъ Записокъ“—пишетъ онъ—была полемика съ народническимъ пониманіемъ экономическаго и общественнаго развитія Россіи, и этотъ антинародническій характеръ моей первой литературной попытки въ значительной мѣрѣ сврадывалъ отъ литературныхъ противниковъ мою неортодоксальность, а ортодоксальныхъ марксистовъ съ нею до извѣстной степени примирять. Въ то же время я и разумомъ, и чувствомъ понималъ тогда,

что вреде всего необходимо вести и покончить совою борьбу против народничества и готовить новое практическое и дѣйственное пониманіе русской дѣйствительности. И, не будучи никогда ортодоксомъ, я чувствовалъ себя въ этихъ двухъ задачахъ вполне солидарнымъ съ ортодоксіей. Въ то время, когда выходило „Новое Слово“, мнѣ казалось преждевременнымъ рѣзко выдвигать и развивать критическія сомнѣнія, *тѣмъ болѣе что они во мнѣ самомъ не утвердились въ достаточной мѣрѣ* ¹⁾. Когда народничество—силою вещей и аргументовъ—оказалось разбитымъ и въ сущности упраздненнымъ, положеніе дѣла измѣнилось. Я не считалъ уже ни нужнымъ, ни возможнымъ воздерживаться отъ открытой постановки критическихъ задачъ и принялся за дальнѣйшее развитіе своихъ еретическихъ сомнѣній и думъ. Тутъ критическая работа шла у меня параллельно съ выработкой положительнаго міровоззрѣнія, расширившейся далеко за предѣлы критическаго исправленія и истолкованія марксизма и во многомъ съ нимъ порывавшей ²⁾. Вотъ личное признаніе ех-марксиста. Теперь мы хорошо знаемъ, что это за „положительное міросозерцаніе“ и въ чемъ оно „порываетъ“ съ марксизмомъ, какъ знаемъ хорошо, въ чемъ состоитъ „положительное міросозерцаніе“ Вельтова и его друзей и въ чемъ отличіе послѣдняго отъ „демократизма“ гг. Струве, Вулгакова, Туганъ-Варановскаго и пр. Итакъ?

Случилось то, что Вельтовъ и его друзья давно чувствовали, давно предсказывали, еще тогда, когда и социалъдемократы, и нѣкоторая часть нинѣшнихъ освободителей боролись подъ однимъ знаменемъ, когда у г. Струве сомнѣнія еще „не утвердились въ достаточной мѣрѣ“. Товарищество на вѣрѣ распалось—вотъ и все. Только напрасно г. Струве приписываетъ этой перемѣнѣ фронта философскій смыслъ. Она имѣетъ смыслъ чисто революціонный: отъ боевыхъ споровъ предстояло перейти къ боевому творчеству, и г. Струве „уѣхалъ“ надавать „Освобожденіе“, а Н. Вельтовъ еще болѣе ушелъ въ теорію и практику образованія партіи пролетаріата. Предоставляемъ судить читателю, какая изъ этихъ позицій „убійственнѣе и для теоріи, и для практики“. Въ революціонное время вѣдь вещи такъ говорятъ сами за себя...

Но читатель, кажется, и самъ уже отвѣтилъ за себя: не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ объемистый сборникъ Вельтова, стоящій какъ ни какъ три рубля, вышелъ изъ печати; и цѣна, кажется, не изъ доступныхъ, а между тѣмъ сборникъ уже разошелся, готовится второе изданіе. Этотъ фактъ, взятый самъ по себѣ, достаточно убѣдительно показываетъ, насколько основательны тѣ „похороны“, которыя каждый день и каждый часъ готовы устраивать у насъ революціонному марксизму.

1) Курсивъ нашъ.

2) „На разныя темы“, стр. 301.

Помните тот „чувствительный барометръ“, съ которымъ сравнивалъ Щедрина Михайловскій, барометръ, „который, будучи запертъ въ четырехъ стѣнахъ, тѣмъ не менѣе отъывается на перемѣны въ состояніи атмосферы“? Читатель, много было такихъ „четырехъ стѣнъ“ у автора „За двадцать лѣтъ“! Много. Какъ ни чутокъ талантъ, но и это нужно принять во вниманіе при его оцѣнкѣ. Ахъ, что талантъ!

„Слава таланту! Конечно, слава.—Заканчиваешь свою статью о Щедриѣ Михайловскій.—Но вѣщная слава человѣку, работнику, служителю свѣта и правды!“ Мы хотѣли бы перефразировать эти слова такъ: Слава таланту! Конечно, слава. Но вѣщная слава революционеру, выходящему изъ „подполья“, вѣщная слава изгнаннику, возвращающемуся для открытой борьбы за свой лозунгъ!

А. Клейбортъ.
